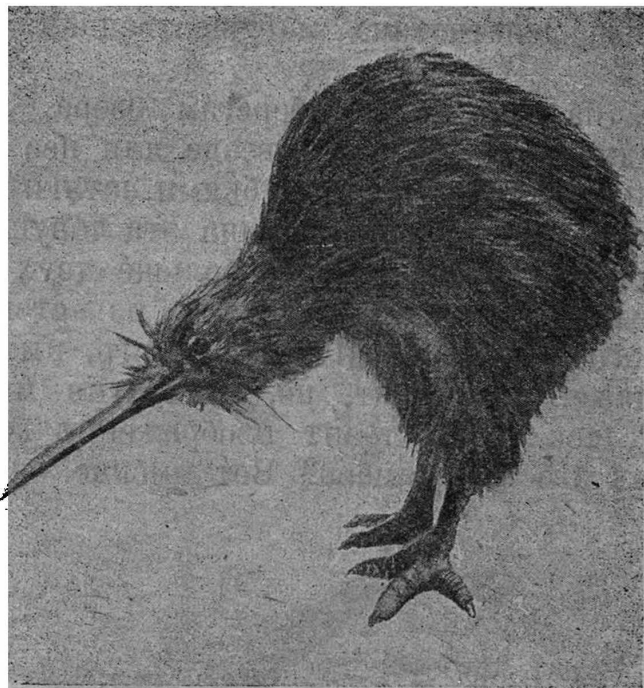

Довольно давно изобретена, а теперь замечательно усовершенствована могущественная ловушка.

В лесу, на взморье, по берегам озера, над лугом, среди кочек болота — везде для нее добыча. Вцепляется стальными зубьями, затягивает предательские петли, она огромна эта ловушка? Ничего подобного. Она немного больше двух кулаков, сложенных вместе, сделана из стекла, оправленного в дерево или кожу, никого, ничего ловушка даже не трогает, но, подхватив мгновенный отблеск света, ловит изображения всего и всех. Так это фотокамера? Вот именно.

Орел.

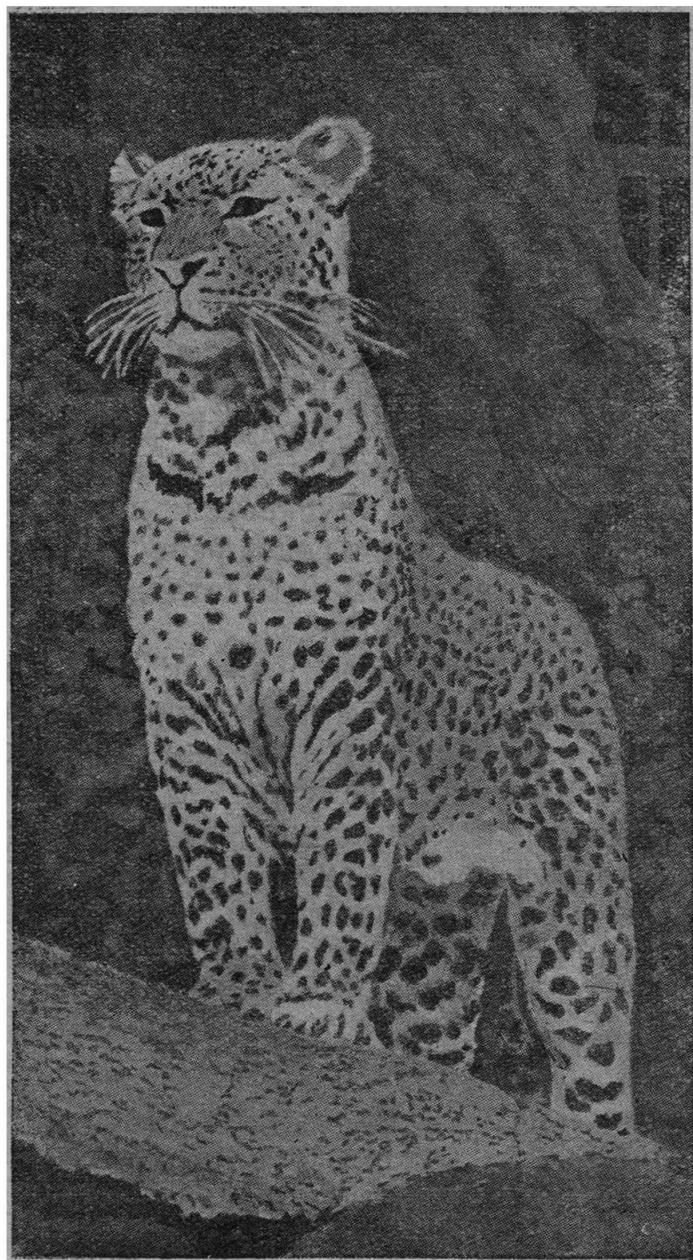

**Киви —
бескрылая
птица
Австралии.**

Маленькая коробка, удобно носимая на ремне через плечо, дает лучшую, более богатую добычу, чем все ружья, крючки и сетки. Любителю всякой охоты успех важнее, чем добыча. Охотнику интересно то, как выследить, настигнуть, овладеть. Стрелок никогда не думает, вкусной ли окажется убитая утка, а часто лезет за ней в трясину с опасностью для жизни. Человек с удочкой, конечно, понимает, что удобнее, проще, дешевле купить рыбу, пойманную сетью, но сидит, терпит комариную казнь; в другой раз дрожит от холода, сидит мокрый, голодный, выжидая, не придет ли рыба, не клюнет ли на его приманку.

Леопард.

Даже при удаче у победителя остается шкурка, чучело, чаще вовсе ничего не остается, кроме воспоминания, которое для любителя дороже всего. Фотокамера наловит таких воспоминаний много, сохранит их долго и потом покажет не мертвыми обрывками шерсти или перьев, а в том виде, как они когда-то промелькнули, озаренные светом жизни.

Бесконечно разнообразна, неисчислимо богата охота фотографа!

Медведь, оскалив зубастую пасть, высунул из берлоги страшную морду. Божья коровка вот-вот слетит с былинки: уже раскрыты все четыре крыла. Ястреб спускается в гнездо с мышью в когтях, а стая стрекоз реет над лужей, и прозрачные их крылья блестят. Все улавливает чувствительная пленка!

Хитрое это дело снимок с диких существ. Никакое оружие не знает скоростей, вполне обычных для ловушки мгновенных отблесков. Даже не в четверть секунды, а скорее, в какой-то почти неизмеримо малый промежуток времени фотограф должен увидеть свою цель, навести на нее объектив и щелкнуть затвором камеры. Зато в случае удачи какая награда!

Пленка улавливает и показывает то, чего не успевает заметить человеческое зрение. Взгляд ястреба на мышонка в колее дороги, миг стремительного взлета, трепыхание хищника над добычей, — как их подсмотреть? А на снимке их видно. Зевать с фотокамерой некогда, приходится

быстро работать фотографу. Подбирается к своей добыче он, наоборот, с мучительной медленностью, иногда неделю ползет с шалашом на спине. Да, иначе не снять тетеревиное гнездо со спящей в нем тетеркой. Гнездо-то не слишком мудрено найти на лесной опушке, но если показаться неосторожно, то тетерка улетит, — снимай гнездо с яйцами тогда, не очень интересно. Тогда, пристроив на спину шалашик из ветвей, человек по ночам подвигается к намеченному месту и на рассвете уходит, оставив шалаш. Конечно, чем ближе

Скопа (водяной орел) спускается на свое гнездо.

к гнезду, тем двигаться нужно тише. Глупая курица скоро привыкает к шалашу, подъехавшему откуда-то незаметно очень близко. Она сходит с гнезда, хлощет, торопливо поклевывает, хватая капли росы с необсохших трав. Видно, как она пьет: запрокидывает голову. Погуляв немного, тетерка бежит к гнезду, даже крыльями машет, так спешит. Но, прежде чем усесться на яйца, она ворошит их клювом. Считает, что ли, или переворачивает с боку на бок? Кто ж ее знает. И, усевшись, дремлет повесив нос. А в шалаше, откуда ночью никто не ушел, хлоп да хлоп: снята тетерка во всех положениях.

Крупные птицы недоверчивы и осторожны. Лебеди, гуси, пролетая в дальние края, присаживаются для отдыха на пустынную отмель реки, открытую со всех сторон. Да еще сторожевых выставляют. Никак никому не подобраться. А корова? Ну, это ничего, не страшно. Корову гуси подпускают. Корова подходит, вид у нее странный: четыре ноги у нее висят, а из живота торчат еще две и двигаются. Перед такой диковиной спокойно сидят гуси, лебеди. Птичьим мозгам не сообразить, что идет коровья кожа на подпорках, а в груди „коровы“ щелкает затвор камеры, снимающей их — гусей, лебедей.

Пень, хотя бы выдолбленный внутри, на голове таскать тоже не очень приятно, а нечего делать, поносишь тяжелую деревянную шапку,

Лебединый выводок у берега озера.

если хочешь получить изображение хищника во время его закуски.

Канюк, беркут, коршун живо заметят приваду, прилетят на нее. Прежде чем спуститься на самую лакомую падаль, зоркие птицы осмотрят ее из такой дали, что сами покажутся пташками, невинно летающими кругом где-то у края неба. И если чуть шевельнется что-нибудь около, пернатый гость, присевший к кушанью, взлетает так стремительно, что снимать его бесполезно: получится опять маленькая птичка. Но все спокойно. Неподвижно, как ему и полагается, торчит

пень, около него какой-то обрубок валяется, тоже зелено-желтый. Это туловище и ноги охотника, одетого в зеленый плащ. Пень? Ничего, пень не повредит, на него при случае даже присесть можно после сытного обеда. С довольным клёкотом принимается стервятник за пир, а у пня раскрываются глаза, смотрят в просверленные дырки и — щелк! Готов снимок во весь рост.

Снимают жирафов, крокодилов, страусов, носорогов на свободе. Снять слона в джунглях или уссурийского тигра в тростниках — заманчиво, только далеко не всем по средствам. А портрет мухи на подоконнике? Этозанятно, общедоступно по цене, но вовсе не так просто, как кажется. Пятерней кто же не ловил муху? Нет, ты в объектив ее образ поймай, попробуй-ка. Не раз клюнешь носом о стол.

Снять на полете порхающую в блеске дня бабочку и думать нечего. Присев, дневная бабочка складывает свои крылья, и ничего не остается от ее красоты, невидать яркой, пестрой раскраски, видна лишь зверская рожа усатого червяка с каким-то темным парусом на спине. Пожалуй тысячу раз не улучшить, когда при отлете на миг развернутся дивно-узорчатые крылья. Значит, бросить безнадежную затею? Совсем не значит. Перехитрить можно. Ловят бабочку, сажают в коробку, коробку ставят на окно, а перед окном пристраивают любимое бабочкой растение. Например для адмирала с цифрами на крыльях, несмотря на его важный чин, приятнее всего

крапива. У капустницы название простенькое, но крылья прелестны, и ясно, какой лист доставит ей удовольствие.

Азиатский шелкопяд, самая крупная из ночных бабочек — достигает 28,5 см. в размахе крыльев.

Приготавливают камеру, наводят на фокус, клочок бумажки заменяет бабочку, пока та спит в коробке. Ночью сонную пленницу пересаживают на место бумажки. Как только блеснут первые лучи солнца, бабочка спокойно раскрывает свои крылья: пора лететь. Хлоп! Кончено. Теперь плыви, адмирал, в свое прозрачно-лазурное море, купайся там в воздушных волнах, порхай, роскошный махаон, на желтых крыльях с черными

хвостиками, и вы, крапивницы, боярышницы, павлиньи глаза, огневки, зорьки, многоцветницы, голубянки, полосатые, крапчатые, разные, всякие, летите куда хотите: ваши изображения отпечатались, остались.

Капельки росы блестят на нитях паутины. Это помогает сделать снимок с паука. А если солнце высушило росу? Тогда хитрый фотограф посыпает белым порошком грязные тенета кровопийцы, иначе не снять хищного ткача в его бесцветных сетях.

Лягушку вплавь не снять: слишком болтается. Ее надо подкараулить на листе кувшинки, где лягушка в полдневный жар спит, вытаращив глаза. В воде скорее всех удастся снять хищную рыбу. Щука и окунь часто, притаившись, стоят неподвижно около травы.

У лисьей норы можно приладить камеру так, что лисица дернет за шнурок и сама себя снимет. Конечно, снимок получится с испуганной лисицы. Гораздо интереснее, как лисица ест, кормит лисят, играет с ними, как она встревоженно слушает, не идет ли кто.

Около волчьего логова возятся рыже-серые лобастые щенята. Их почему-то почти всегда четыре. Волчица их сторожит, кормит, учит. Да, приносит живьем птицу, зверюшку, выпускает и показывает волчатам, как ловить добычу. Все это, всю волчью жизнь можно подсмотреть. Но напрасно воображать, будто волки ее, свою жизнь, запросто покажут. Курильщику или человеку